

Кристиан Берг

Цена свободы

Кристиан Берг

Цена свободы

<https://litres.ru/74272453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сент-Луис, 1899 год. Конец эпохи Дикого Запада. Я вырос в зловонных портовых трущобах, где выживает лишь тот, кто бьет первым. Голод, холод и жестокие уличные драки навсегда выжгли из моего сердца жалость и страх. Я стал идеальным одиноким волком, готовым взяться за самую опасную работу.

Моя жизнь изменилась в тот день, когда я виртуозно украл серебряную цепочку у Аделины — высокомерной и ледяной дочери железнодорожного магната Рочестера, а ночью, сам того не зная, спас её отца от верной смерти. Старик сделал меня своим тайным вышибалой, цепным псом для возврата долгов. Для Аделины я был лишь грязью под ногами, псом, которому швырнули кость. Но почему тогда каждую ночь её мысли возвращаются ко мне?

Когда на кону окажутся миллионы, хозяин предаст своего пса, подставив под смертельный удар. У нас останется лишь один шанс на двоих — безумный побег на край Фронттира. Но сможет ли любовь спасти того, кого уже настигает тень неизлечимого прошлого?

Драматическая история.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Кристиан Берг

Цена свободы

Глава

ГЛАВА 1. ЗАПАХ ДЕШЕВЫХ ДУХОВ

Эпизод 1

Год 1889-й пах для меня не изысканным вирджинским табаком и не дорогой кожей лакированных карет, которые раскатывали по центральным авеню. Он пах сыростью подвалов, гнилой соломой нашего матраса и приторной, удушливой пудрой, которой моя мать пыталась скрыть синяки на бледном, истощенном лице.

Мне было всего девять лет, когда в нашей каморке на окраине Сент-Луиса воцарилась окончательная, беспросветная тьма. Отец умирал долго и мучительно. Бывший портовый грузчик, когда-то способный в одиночку поднять стофунтовый тюк с хлопком, теперь лежал на грязных нарах, похожий на обтянутый кожей скелет. Каждую ночь его кашель разрывал тишину, и этот звук до сих пор отдается в моих ушах. Он кашлял так, словно его легкие разрывались на куски, а я сидел в углу, поджав колени к подбородку, и молился непонятно какому Богу, чтобы этот кошмар просто прекратился.

В один из дождливых осенних вечеров, когда ледяной ветер с прерий стучал в наше мутное окно, копоть от фабричных труб забила всю улицу. Отец затих. Сначала я подумал, что он наконец-то заснул. Я осторожно подошел, протянул руку и коснулся его пальцев. Они были сухими, жесткими и холодными, как камни на речной пристани.

— Папа?.. — тихо позвал я, но ответа не последовало.

Я сжимал его руку до самого утра, согревая её своим дыханием, пока в каморку не ворвался квартирный староста, толстый немец с сальным лицом. Он не стал тратить слова на соболезнования. Он просто пнул ногой край наших нар и посмотрел на мою мать, которая сидела на полу, обхватив голову руками.

— Если к завтрашнему дню не будет платы за две недели, выкидываю ваш хлам на мостовую, — процедил он, сплюнув прямо на деревянный пол. — Мне плевать, где ты возьмешь деньги, Мэри. Мертвецы здесь бесплатно не живут.

Эпизод 2

Чудо не произошло. У нас не было ни цента, а похоронить отца в приличной земле стоило денег, которых мы не видели за всю жизнь. Его увезли в черной телеге для нищих и зарыли в безымянной яме на городском пустыре. А на следующий день моя мать приняла свое страшное, роковое решение.

Она начала уходить из дома, когда город зажигал первые газовые фонари и рабочие с мануфактур тянулись в дешевые салуны. Мать устроилась в заведение старой Мэгги на окра-

ине портового района — грязный, прокуренный притон, который благопристойные граждане обходили стороной.

Каждое утро я просыпался от скрипа тяжелой входной двери. Мать возвращалась на рассвете, когда небо над Миссури становилось грязно-серым. Она не смотрела на меня. Медленно, словно заводная кукла, она подходила к нашему разбитому зеркалу, наливала в таз холодную воду и начинала яростно смывать с себя этот приторный, дешевый бордельный парфюм, смешанный с запахом перегара и табачного дыма чужих мужчин.

Я видел её отражение. Лицо в синяках, покусанные губы и глаза, в которых не осталось вообще ничего, кроме мертвой, выжженной пустоты. Она садилась на край кровати и горько, беззвучно плакала, закрывая рот ладонью, чтобы не разбудить меня. Она думала, что я сплю. Но я не спал. Я лежал в темноте, сжимая кулаки до хруста в суставах, и ненавидел этот проклятый город, ненавидел каждого сытого джентльмена в сюртуке и ненавидел каждую медную монету, которую она приносила в подоле, чтобы купить мне фунт черствого ржаного хлеба и жидкий суп.

В те утренние часы я дал себе клятву: я вырасту, и я заставлю этот мир захлебнуться собственной кровью. Я больше никогда не буду просить жалости.

Эпизод 3

Мой желудок вечно выл от голода, и одной материнской платы из заведения Мэгги на жизнь не хватало. В десять лет

я совершил свою первую кражу.

Это было на центральном рынке, где пахло свежим мясом, специями и печеным картофелем — запахами, от которых у меня темнело в глазах. Я долго крутился возле лотка зажиточного торговца фруктами, высматривая момент. Когда к нему подошла богатая дама в шелковом капоре, и он отвлекся, отсчитывая сдачу, мои пальцы сами прыгнули вперед. Я схватил крупное, спелое яблоко и мгновенно спрятал его под рваную куртку.

— Держи вора! Эй, ловите мальчишку! — закричал торговец, заметив пустующее место на прилавке.

Страх поймать удар тяжелой бамбуковой палкой сорвал меня с места. Я неся по грязным переулкам, петляя между телегами и ныряя под брюха лошадей, пока крики сзади не затихли. Я забился в узкую щель между двумя кирпичными складами, тяжело дыша, и впился зубами в украденный фрукт. Оно было кислым и брызгало соком, но для меня это был вкус победы.

В тот день страх навсегда сменился холодным, расчетливым азартом. Я понял одно простое правило Дикого Запада: на этих улицах выживает только тот, кто двигается быстрее чужих глаз и бьет первым. Я начал воровать регулярно — сначала хлеб, потом мелкие монеты из карманов пьяных матросов в порту. Я рос хулиганом, диким и озлобленным волчонком, который доверял только собственным ногам и острому ножу, который я выменял у одноглазого бродяги.

Но настоящая, окончательная тьма пришла, когда мне исполнилось тринадцать. Работа в публичном доме окончательно добила тело моей матери. Грудная жаба, сырость нашего подвала и постоянная лихорадка сжигали её изнутри за считанные недели. У меня не было денег на приличного доктора, а те шарлатаны из трущоб, что просили за визит полдоллара, лишь разводили руками.

Я сидел у её постели, точно так же, как когда-то сидел у постели отца, и смотрел, как она задыхается, захлебываясь кашлем. Её глаза, когда-то полные любви, теперь смотрели в потолок без всякого смысла. Я понимал: нити, связывающие меня с человеческим миром, рвутся одна за другой. Скоро на всем этом проклятом Фронтире я останусь абсолютно один.

ГЛАВА 2. КРОВЬ НА БРУСЧАТКЕ

Эпизод 1

Мать умерла серой январской ранью, когда над речными доками еще стоял морозный смог, смешанный с угольным дымом. Её ладонь просто выскользнула из моей руки, став легкой и холодной, как сухой лист. Помню, как квартирный староста, даже не дождавшись, пока тело увезут в телеге для нищих, сорвал с петель нашу хлипкую дверь. Мой старый деревянный ящик, где лежали пара отцовских рубаш и мамина порванная шаль, полетел прямо в грязный придорожный сугроб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.